

УТВЕРЖДАЮ.

Проректор по научной работе

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

С.В. Микушев

« 18 » сентября 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального бюджетного государственного образовательного учреждения высшего образования (ФГБОУ ВО) «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию **Акуленко Вадима Сергеевича «Теория этногенеза корейцев в работах ученых Республики Корея и КНДР»**, представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Структура диссертации.

Работа выполнена на кафедре корееведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет». Она содержит 197 страниц, включая список использованных источников и литературы (с. 154 – 172), в котором 195 наименований, а также приложения (с. 173 – 197), в том числе авторские переводы термина «минчжок», представленные в корейских словарях и справочниках (с. 173 – 175). Диссертация состоит из введения, трех глав, в каждой из которых выделены подразделы второго уровня, заключения, списка использованной литературы и источников, приложения.

Первая глава знакомит читателя с категориями «этнoса» и «этнoгенеза» в отечественной и зарубежной науке. Отдельно в главе представлена теория этноса в историографии КНДР и Республики Корея.

Вторая глава диссертации посвящена развитию теории этногенеза в историографии КНДР. В главе выделяются отдельные периоды, в которые доминировали те или иные представления о происхождении корейского народа. Всего таких периодов в диссертации обозначается четыре: 1950-е годы (начало полемики по вопросу этногенеза),

1960-е годы («чучхеизация» теории этногенеза), 1970-е – 1980-е годы (формирование теории происхождения корейцев от поселенцев периода палеолита) и рубеж XX – XXI столетий (время окончательного оформления «чучхейской» теории этногенеза).

Третья глава раскрывает эволюцию теории этногенеза корейцев в историографии Республики Корея. Здесь В.С. Акуленко также выделяет четыре периода трансформации представления южнокорейских ученых: 1940-е годы, 1950-е – 1960-е годы, 1970-е – 1990-е годы и рубеж XX – XXI столетий, который он определяет как «современность».

Источниковая база диссертации включает историографические источники на корейском языке (78 наименований) и исторические источники на русском и корейском языках (6 наименований). Большинство историографических источников впервые вводятся автором в научный оборот Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость, актуальность темы.

Кандидатская диссертация В.С. Акуленко «Теория этногенеза корейцев в работах ученых Республики Корея и КНДР» посвящена важной и недостаточно исследованной в Российской Федерации теме – вопросу о том, как на протяжении истории существования двух корейских государств, Республики Корея и КНДР (1948 – настоящее время), в их историографии изменялся подход к рассмотрению вопроса о происхождении корейского этноса, корейской нации.

Самовосприятие процесса этногенеза любого народа – это ключ к пониманию как национальной культуры в целом, так и политики – внешней или внутренней, которую проводит правительство отдельно взятого национального государства.

Для двух корейских государств вопрос этногенеза представляет особую важность по той причине, что на протяжении почти всей своей истории – от глубокой древности и вплоть до Новейшего времени государства Корейского полуострова часто находились в зависимости от соседних государств, и, прежде всего от Китая. Период японского колониального господства 1910 – 1945 годов оставил неизгладимую «историческую рану». Поэтому в корейских теориях этногенеза можно проследить основную их задачу – доказательство оригинальности и самобытности корейского народа.

Научная значимость и новизна исследования. Диссертация В.С. Акуленко выполнена на обширном источниковедческом материале, опубликованном в основном на

корейском языке. В этом заключается сильная сторона рассматриваемой в настоящем отзыве востоковедческой диссертации.

Вопрос корейского (КНДР и Республика Корея) восприятия этногенеза корейцев так или иначе рассматривался в советской исторической науке, но сфера охвата советских исследований завершается началом 1980-х годов. Последующее развитие теории этногенеза корейцев до сих пор не было профессионально описано в отечественной науке. Ко всему прочему необходимо указать на то, что в советское время по понятным причинам отечественные ученые не имели возможности критически оценить северокорейские теории этногенеза корейцев. В.С. Акуленко делает это на страницах своей диссертации впервые в отечественной науке.

В советское время информация о южнокорейских теориях этногенеза корейцев также не была доступна в достаточной мере. Что касается новейших южнокорейских подходов к вопросу этногенеза корейцев, то среди них появляется немало околонучных или даже ненаучных теорий, описывать и анализировать которые крайне непросто. Однако В.С. Акуленко справляется и с этой задачей.

Основными содержательными результатами, полученными автором и подтверждающими научную значимость диссертационного исследования, являются:

- Выявление того, что в северокорейской исторической науке предпочтение отдается социобиологическому подходу в рассмотрении процесса этногенеза корейцев, а в южнокорейской – эволюционно-историческому;
- Выявление схожести северокорейских и южнокорейских взглядов на теорию этногенеза корейцев на раннем этапе формирования теории этногенеза;
- Выделение 1960-х годов как времени начала расхождения между Южным и Северным подходом к теории этногенеза. Южнокорейские ученые приняли теорию миграционного многокомпонентного этногенеза корейцев. Северокорейские сделали выбор в сторону теории автохтонного этногенеза корейцев, в частности, под влиянием государственной идеологии «чучхе»;
- Выявление того, что в 1970-е – 1980-е годы и на Севере и на Юге начинают использовать междисциплинарный подход в рассмотрении вопроса этногенеза корейцев. При этом в КНДР большее предпочтение отдается достижениям археологии.
- Определение 1970-х годов временем появления псевдоисторических теорий этногенеза корейской нации в околонучных кругах Республики Корея;
- Выявление особой «чучхейской» теории этногенеза корейцев в КНДР на рубеже XX – XXI веков.

- Описание «новейшей» теории этногенеза корейцев в Республике Корея – «концепции гетерогенного миграционного этногенеза».

Научные положения и выводы автора строятся на основе широкого использования специальных исследований прежде всего на корейском, а также русском, английском, китайском и японском языках, а также с привлечением информационных ресурсов сети «Интернет» на указанных языках. Автор произвел тщательный анализ зарубежных и отечественных публикаций по исследуемой теме, что обеспечило всестороннее рассмотрение заявленной темы.

Апробация материалов исследования. Основные научные результаты диссертационного исследования В.С. Акуленко отражены в 22 публикациях, пять из которых опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ. Они прошли апробацию на многочисленных международных (в том числе зарубежных) и общероссийских конференциях в период 2007 – 2018 годов, активно используются при чтении авторских лекционных курсов в ДВФУ.

Диссертация В.С. Акуленко представляет собой самостоятельное научное исследование, проведенное лично автором; теоретические и практические выводы, перевод и анализ источников, критическое обобщение зарубежной и российской литературы по рассматриваемой проблеме являются результатами самостоятельной работы автора. Используемый эмпирический материал достаточен и репрезентативен.

Для диссертации В.С. Акуленко характерен **ряд сильных сторон**, из которых мы обозначим лишь некоторые, наиболее, на наш взгляд, значимые:

- Новаторское, обширное по охвату, систематизированное использование историографических материалов на корейском языке;
- Выявление и логическое обоснование периодизации эволюции теорий этногенеза в КНДР и Республике Корея;
- Убедительное прослеживание связи между внутренней политикой (идеологией) двух корейских государств и теории этногенеза корейцев;
- Подробная разработка вопроса терминологии, используемой для описания теории этногенеза в Северной и Южной Корее.

Прежде, чем перейти к перечню обнаруженных нами недочетов, хотелось бы задать автору **ряд вопросов по содержанию** диссертационного исследования:

1. Что автор имеет в виду, говоря о «технологиях международного сотрудничества» (с. 4)?
2. Каким образом одна работа Пак Чонхи может быть издана в 1959 – 2006 годах? (с. 11), Также любопытно было бы узнать, что важного мог написать в 1959 году не очень известный в то время южнокорейский высокопоставленный офицер (Пак Чонхи), так, чтобы его работы были опубликованы?
3. Что такое система «колодезных полей», применительно к Древнему Чосону? Насколько известно автору настоящего отзыва, в Корее, в отличие от Китая, не было «системы колодезных полей» в ее классическом виде. Подобной точки зрения придерживается большинство, по крайней мере, южнокорейских исследователей, занимавшихся вопросами истории земельной системы в «классической» Корее (с. 51).
4. Каким образом буддизм и конфуцианство сыграли «огромную роль в формировании нынешней Кореи»? Что хотел автор диссертации продемонстрировать в данном высказывании? (с. 53).
5. Что имеется в виду под «Поздним Древним Чосоном Мана»? (Может быть, речь идет о Древнем Чосоне Ви Мана?) (с. 86).
6. Как можно перевести на русский язык название спорного исторического источника «Хвандан коги» (환단고기)? (с. 94). Перевода названия памятника на русский язык в тексте диссертации нет.
7. Что имеется в виду под выражением «южнокорейские историографы»? В каком значении употребляется слово «историограф»? (с. 96).
8. Как переводится на русский язык термин «тон-и» (둥이, 東夷)? (с. 97).
9. Что означает название «Чиндан хакхве»? (с. 104).
10. О каком «японском ученом» идет речь на с. 105?
11. Где и когда в корейской историографии впервые появилось упоминание о сочинении «Хвандан коги»? Это необходимо знать для того, чтобы объяснить саму по себе возможность появления подобной «подделки» (с. 128 – 129).
12. Что за религия Тэчжонгё? (с. 130).

Несмотря на все положительные стороны диссертации В.С. Акуленко, необходимо обратить внимание и **на ряд недочетов**, которые могут быть исправлены в будущем и

послужить основой для создания рукописи монографии, которая, несомненно, будет иметь большое научное значение.

Обозначим обнаруженные нами недочеты по категориям:

1. Содержательные недостатки.

1. Недостаточно полный список основной научной литературы по теме. При рассмотрении вопроса изучения проблемы этногенеза корейцев в отечественной историографии В.С. Акуленко не обратил внимания на монографию к.и.н. А.В. Ефимова «Проблема этногенеза корейского народа в свете мифологии, лингвистики и исторических источников» (М., Русская панорама, 2014 – 160 с.), которая как раз посвящена проблеме диссертации В.С. Акуленко.

2. Следующее из первого недочета (неполное использование отечественной литературы) утверждение о том, что «советская и российская корееведческая наука отражает проблему этногенеза корейцев весьма *поверхностно*» (с. 7; выделено мной – С.К.). Проблеме этногенеза корейцев посвящена монография знаменитого советского корееведа д.и.н. Р.Ш. Джарылгасиновой, а также ряд ее научных статей. Д.и.н. Ю.М. Бутин также издал две монографии, в которых рассматривал вопросы этногенеза корейцев. В первой из них – «Древний Чосон» (Новосибирск, Наука, 1982) проблеме этноса Древнего Чосона отведено почти 30 страниц. Во второй монографии «Корея: от Чосона к Трем Государствам» (Новосибирск, Наука, 1984) проблема этнического состава древних корейских государств является одной из стержневых. Кстати сказать, этой монографии мы не находим в списке использованных работ диссертации.

Другое дело, что в указанных выше сочинениях, изданных почти 40 лет тому назад, естественно, не отражены новейшие тенденции в историографии Южной и Северной Кореи. Именно об этом следовало говорить в диссертации, а не о «поверхностном» исследовании проблемы этногенеза корейцев.

3. На с. 18 автор диссертации утверждает, что изначально собственное понимание этнической истории [корейцами] базировалось на наследии японской колониальной науки и западной теории этногенеза.

С этим утверждением трудно согласиться, поскольку оно полностью отвергает богатое историографическое наследие Кореи XII – XIX веков, с которым были знакомы, в частности, историки КНДР 1940-х – 1950-х годов, что можно доказать текстами ранних изданий «Всеобщих истории Кореи» (Чосон тхонса), в которых также затрагивался вопрос истории происхождения корейского народа.

4. На с. 25 работы говорится о том, что стремление корейцев к удревнению собственной истории «удивляет зарубежных специалистов». В.С. Акуленко объясняет это исключительно отсутствием разработанной терминологии и «теоретической рамки» в области изучения этногенеза.

Подобная аргументация удивляет и указывает на то, что автор диссертации не достаточно знаком, как с собственной корейской историографией, так и с феноменом удревнения истории в других культурах, как правило, у народов небольших, «прежде зависимых» государств.

В Корее еще в XIII веке буддийский монах Ирён, составив историческое сочинение о древних Трех государствах – «Самгук юса», предпринял первую из известных попыток представить историю Кореи намного древнее, чем это считалось еще за столетие до того. Очевидно, одной из причин такого подхода к своей истории стало то, что в первой половине XIII века Корея подверглась монгольским нашествиям, а также то, что в соседнем Китае династия Сун, «хранитель истинной культурности» стала терять свою власть под давлением монголов.

5. На с. 44 работы конфуцианство ошибочно определено как «религия».

6. Важнейшая концептуальная ошибка прослеживается на сс. 58 – 63 диссертации.

В своей работе В.С. Акуленко пишет, что на землях древнего корейского государства Когурё в VII веке «появилось новое самостоятельное *корейское* государство»... «Бохай»!

Здесь необходимо заметить, что от того, каким образом в русскоязычной литературе транскрибируется название древнего государства, которое записывается в иероглифике как 渤海, зависит то, к истории какого культурного ареала относит исследователь данное государство. Если транскрибируется как «Бохай», то есть по-китайски, то это значит, что исследователь считает его частью китайской или «около китайской» истории¹. Е.И. Кычанов, например, считал, что в этом государстве сложилась особая этническая общность – «бохайцы»².

Если название государства транскрибируется по-корейски как Пархэ, то это означает, что исследователь относит его к корейской истории.

Противоречие (концептуальная ошибка) в работе В.С. Акуленко состоит в его утверждении о том, что северокорейские ученые доказывают то, что **Бохай** – это корейское государство. Это не так. Северокорейские историки не могут говорить о

¹ См., например, сочинение Е.И. Кычанова «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров». М., Восточная литература, 1997. Сс. 89 – 94.

² Указ. соч., с. 94.

«Бохэе» как «корейском» государстве. Они говорят о том, что к истории Кореи относится история государства *Пархэ*.

Тут же хотелось бы указать на еще одно упущение диссертанта. Уж если он рассматривает концепцию интерпретации истории Пархэ в северокорейской историографии, то следовало бы обратить внимание и на проблему Пархэ в южнокорейской историографии, в которой история Пархэ в последние годы приобрела особую популярность. Однако автор диссертации никак не затрагивает этот вопрос.

7. Высказывание «коллорационист» применительно к Ли Гвансу не совсем корректно. Он не всегда был «коллорационистом», активно участвуя в движении за независимость от японского колониального господства вплоть до 1921 года.

8. В Республике Корея нет организаций, соответствующих по характеру «НИИ», о которых пишет автор на с. 94 своей диссертации.

9. В 1946 году еще не существовало «Республики Корея» (с. 95). («... в образовавшейся там РК, происходили схожие процессы, что и в КНДР. Еще в марте 1946 года...»).

10. Силла – это название государства, а не «династии» (с. 97).

2. Противоречия в высказываниях.

1. На с. 4 диссертационного сочинения автор пишет о том, что Россия «в последние годы» теряет «экономические и политические позиции на Корейском полуострове», а с другой стороны, тут же говорит о том, что «без непосредственного участия» Российской Федерации «в межкорейском урегулировании достижение стабильного положения в регионе... не представляется нам возможным». Последнее высказывание как раз говорит о том, что политические позиции России на Корейском полуострове все еще остаются достаточно прочными.

3. Неточные высказывания, перевод.

1. «Общая история Кореи», а точнее «Полная история Кореи» - это не «книга», как сказано у автора диссертации (с. 8), а многотомное издание: в нем более 30 томов. Кстати, в списке использованной литературы В.С. Акуленко дает правильный перевод названия сочинения как «полной истории» (с. 194).

2. Название «Академия социальных наук КНДР» корректнее переводить как «Академия общественных наук КНДР». (с. 36, 37).

3. Название «Комиссия по составлению корейской истории» (조선력사편찬위원회) корректнее переводить как «Комитет по составлению истории Кореи».

4. «Сагван» (사관) – это не «мировоззрение», а «взгляд на историю», «восприятие истории». Слог «са» означает «история», а слог «гван» - взгляд. (с. 131).

4. Отсутствие необходимых сносок.

1. На с. 24 автор диссертации пишет о точке зрения «двух крупных лагерей» ученых, придерживающихся теории примордализма. Однако в диссертации нет указания на то, откуда В.С. Акуленко взял информацию об их точке зрения. Такие высказывания как «считают», «придерживаются точки зрения» требуют наличие сноски на источник информации.

2. На с. 28 приводится цитата, в которой сказано о том, что Ким Ирсен «был знаком с теорией Сталина, но осознал ее ограниченность», при этом отсутствует сноска на источник информации.

3. Нет важной сноски на высказывание о том, что южнокорейские теории этногенеза корейцев испытали на себе влияние японских историков (с. 94).

4. На с. 96 говорится о представлении японских ученых о формировании японского народа, но нет никаких сносок на литературу.

5. Недостатки технического характера.

1. Один из самых главных технических недостатков работы – **неверная русская транскрипция корейских названий источников и литературы.** Главная ошибка – слитное написание нескольких корейских слов в одно слово. Например: «Кокоминсокронмунчип» - «Сборник работ (точнее – «статей») по археологии и этнографии» (с. 67). Таким образом, корейская транскрипция в графическом восприятии (если перевести название на русский язык) будет выглядеть так: «Сборникработпоархеологиииэтнографии». Несмотря на то, что при написании названий в пхеньянском литературном языке несколько слов могут записываться слитно, что является отражением средневековой традиции не отделять слова друг от друга в тексте пробелами, на самом деле в сознании носителя языка это отдельные слова, и они воспринимаются исключительно как отдельные лексические единицы, что необходимо отражать в русской транскрипции. Иначе незнакомый с корейским языком читатель просто не сможет выговорить одно слово длиной в 18 и более букв.

Указанный недостаток можно обнаружить в большинстве сносок на корейскую литературу, использованную в работе.

2. Везде в работе в повествовательном тексте используется буква «ё» вместо «е». «Ё» следует писать только в именах собственных, в географических названиях и т.п.

3. Некорректно назвать китайских и японских ученых просто «китайцами» (плюс имя) или «японцами» (плюс имя) (с. 8).

4. Неполное указание инициалов российских авторов (с. 23. «С. Елишев»; с. 111 «Широкогоров»).

5. На с. 65 дается только русский перевод определения термина «нация» без корейского оригинала. Автору диссертации следовало бы указать на с. 65 диссертации, что корейский оригинальный текст читатель может найти в Приложении № 1 на с. 174 – 175. Однако в указанном приложении дается несколько корейских определений термина, и нам пришлось потратить некоторые усилия на поиск того, какое же из многих определений термина «нация» из Приложения № 1 соотносится с тем, что процитировано на с. 65.

6. Приложения с № 2 по № 10 не имеют заголовков. Об их содержании можно догадаться только по названиям таблиц и схем, приведенных в нижней части страницы.

6. Неточная транскрипция восточных терминов.

1. На с. 26 дана неверная транскрипция имени корейского ученого и писателя Син Чхэхо (신채호) как «Син Чжэхо».

2. С. 30 неверная транскрипция слова 겨레: «кёрэ» вместо «кёре».

3. Племена «сушеней», вместо «сушэней» (с. 41).

4. Китайская династии «Шань» вместо «Шан» (с. 42).

5. На с. 55, говоря о китайских округах, образованных на месте государства Древний Чосон и о том, как в северокорейской историографии рассматривается данный вопрос, автор почему-то приводит их названия, согласно южнокорейским нормам правописания (악랑군, 임둔군), а не в северокорейском (락랑군, 림둔군). В связи с этим возникает вопрос: из какой литературы автор диссертации брал информацию: из северокорейской, на которую ссылается, или из южнокорейской, в соответствии с правилами правописания которой он приводит оригинальные названия округов?

6. Неверная транскрипция имени собственного основателя государства Корё как «Вангон»: фамилия и имя записаны слитно. Правильно написание имени: Ван Гон, где Ван – фамилия, а Гон – имя. К примеру, отцом государя был Ван Юн, а его второго сына (принца) звали Ван Тхэ. (с. 62).

7. «Саньгоджи», вместо правильного «Саньгочжи». (с. 71).

8. «Манчжурия» вместо «Маньчжурия» (с. 81, 97).

9. «Чиджоу» вместо «Чичжоу» (с. 101).

10. Китайская провинция «Шеньси» вместо «Шэньси». (с. 101).

7. Не совсем грамотные выражения.

- «Этнические истоки корейцев», «истоки корейцев» (с. 3).
- «Теории этноса», которые «конфликтуют друг с другом» (с. 21). Как «теории» могут конфликтовать? Конфликтуют люди, ученые, отстаивающие те или иные теории, но никак не сами теории. Теории могут «противоречить».
- «Рассмотреть теоретическую рамку» (единственное число в слове «рамка», с. 21).
- «Древние жители Кореи в работах того времени постепенно проходят стадии...» (с. 39).
- «Северокорейские ученые помещают в провинциях Канвон и Южная Хамгён» ... племена «мэк или емэк». Вопрос: как могут северокорейские ученые своей волей поместить те или иные племена (жившие в прошлом!) в провинциях, которые в древности еще не существовали? (с. 40).
- «Прослеживаются прочнее культурные связи между государствами на основе скульптуры и живописи» (с. 58). «Связи между государствами» «на основе скульптуры и живописи»? Данное высказывание трудно понять.
- «Теория происхождения от коренных жителей» (с. 71). Происхождения кого?
- «Львиная доля останков древнего человека» (с. 77).
- «Характер формирования корейцев», **«формирование корейцев»** (с. 91, 98, 113, 114).
- «Южнокорейский источник – Ли Бёндо» (с. 98).
- «Племена..., исходящие из одного источника» (с. 101).
- «2-3 тыс. до н.э.» (с. 108). Правильно: 3 – 2 тыс. до н.э.
- «Основу их хозяйства составляли *рыбалка*, охота...» (с. 122). В данном случае корректнее говорить о рыболовстве (с. 122).
- «За последние четверть века» (с. 138).

Однако, высказанные замечания, которые можно легко учесть при подготовке рукописи диссертации для издания в форме монографии, не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования В.С. Акуленко, обладающего необходимыми квалификационными признаками: актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью. Работа соответствует паспорту заявленной специальности: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Исследование актуально, выполнено самостоятельно с соблюдением научной этики, подобрана актуальная теоретическая и источниковая база, получены значимые для практики и науки результаты.

Текст автореферата дает полное представление о содержании и основных положениях диссертации.

Диссертация В.С. Акуленко «Теория этногенеза корейцев в работах ученых Республики Корея и КНДР» является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, соответствует паспорту специальности, отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – Вадим Сергеевич Акуленко – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Отзыв на диссертацию подготовлен профессором кафедры корееведения, Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» доктором исторических наук, доцентом Сергеем Олеговичем Курбановым.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании кафедры корееведения федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», протокол № 5 от 17 октября 2019 г.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ).

Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

Телефон: (812) 328-95-39

Адрес электронной почты: spbu@spbu.ru

Адрес официального сайта: <https://www.spbu.ru>

Заведующий кафедрой корееведения

ФГБОУ ВО СПбГУ, д-р истор. наук, доцент

Сергей Олегович Курбанов

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

